

© 1999 г., ЭО, № 2

Д.К. Зеленин

ПЕРЕЖИТКИ ДРЕВНИХ ВОЗЗРЕНИЙ О ДЕМОНИЧЕСКИХ ПТИЦАХ У НАРОДОВ КАВКАЗА

Вместо предисловия

В архиве Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН хранится машинописный вариант рукописи выдающегося русского советского этнографа, фольклориста, диалектолога, библиографа и музееведа, чл.-кор. АН СССР, проф. Дмитрия Константиновича Зеленина «Пережитки древних воззрений о демонических птицах у народов Кавказа» (ф. 1, оп. 1, д. 253). Эта статья была завершена незадолго до начала Великой Отечественной войны и предназначалась для публикации в очередном сборнике статей «Советская этнография». Однако в период войны издание не выходило, а после его возобновления обстановка в Институте этнографии АН СССР, сотрудником которого был Д.К. Зеленин, сложилась явно не в пользу ученого, и печататься ему стало трудно...

Когда я обнаружил рукопись Д.К. Зеленина в нашем архиве, то сообщил о своей находке известным фольклористам и этнографам В.Е. Гусеву, Т.Г. Ивановой, Б.Н. Путилову, К.В. Чистову, и все они единодушно высказались за скорейшую ее публикацию. Действительно, эта тема специфична и мало привлекала внимание отечественных исследователей устного народного творчества и традиционной культуры в XX в., хотя прежде такого рода работы иногда встречались. (См., например, богато иллюстрированную монографическую статью Д.Н. Анучина «К истории искусства и верований у Приуральской чуди. Чудские изображения летящих птиц и мифических крылатых существ», опубликованную в кн: Материалы по археологии восточных губерний. Т. III. М., 1899. С. 87–180.)

Очевидно, сам Д.К. Зеленин хорошо понимал неразработанность в научной фольклористической литературе этого сюжета и потому продолжал исследовать эту тему, привлекая новые материалы. В подтверждение данного предположения свидетельствует факт наличия еще одной неопубликованной рукописи его исследования «Кавказский обычай "побеждать" птиц и животных». Ее я обнаружил в процессе подготовки предлагаемой вниманию читателей статьи в Архиве Российского этнографического музея (ф. 2, оп. 2, д. 166). Она состоит из 40 страниц машинописного текста и включает 96 ссылок на использованную литературу. Отличное знание и использование литературы – характерные черты метода работы Д.К. Зеленина, который был, как известно, также крупным библиографом, автором целого ряда этнографических библиографий и библиографических обзоров, в течение значительного времени до войны возглавлял библиотеку Музея антропологии и этнографии АН СССР, а затем Института этнографии АН СССР.

При подготовке статьи к печати мною тщательно *de visu* проверен, уточнен и частично дополнен ссылочный аппарат, устранены имевшиеся небольшие неточности. Однако в некоторых случаях я не осмелился вводить дополнительные примечания. Например, на с. 4 своей рукописи Д.К. Зеленин приводит материал из статьи Т. Мамаладзе об одном обычае у гурийцев, где дословно говорится следующее: «По поня-

тиям гурийцев, каждая птичка, каждое животное может "одолеть" человека, и потому они стараются, чтобы их не "одолели" та или иная птичка, то или другое животное, так как каждому из них приписывается какое-нибудь вредное значение, имеющее силу на целый год" (с. 26 текста Мамаладзе). Т. Мамаладзе употребляет только выражение «одолеть», но не приводит перевода особого термина для обозначения этого обычая. Очевидно, перевод слова «самджобинари» («для преодоления») подсказан ему известным кавказоведом проф. К.Д. Дондуа, с которым он вместе работал в университете. В своей статье Д.К. Зеленин употребляет этноним «мегрелы» (с. 5), хотя в тексте цитируемого им автора приводится другой этноним – «мингрельцы». На с. 15 у Д.К. Зеленина есть цитата из книги С.П. Крашенинникова без указания тома и страницы. (См.: *Крашенинников С. Описание земли Камчатки. Т. I. Ч. 2. СПб., 1755. С. 349–350*). На с. 18 Д.К. Зеленин излагает сведения из ранее цитированной им статьи Н.С. Джанашиа «Религиозные верования абхазов» без указания страниц и соответствующей ссылки. Этот материал находится на с. 105. Мне представляется, что для удобства пользования статьей Д.К. Зеленина необходимо сделать эти дополнительные примечания именно здесь, не нарушая целостности его авторского текста.

В последние годы был переиздан ряд работ Д.К. Зеленина, давно уже ставших библиографической редкостью. Впервые опубликована в переводе с немецкого языка на русский капитальная монография Д.К. Зеленина «Восточнославянская этнография» (М., 1991). Мы являемся свидетелями вновь возросшего интереса ученых к научному наследию этого выдающегося исследователя; на наших глазах по существу происходит его возвращение в науку. И это не может не радовать, ибо это справедливо, заслуженно. Д.К. Зеленин по праву пользуется непререкаемым авторитетом как один из создателей отечественной этнографии первой половины XX в. и как ее ярчайший представитель. Публикация данной статьи посвящается памяти великого исследователя общей и региональной славянской и сибирской этнографии Дмитрия Константиновича Зеленина в связи со 120-летием со дня его рождения.

А.М. Решетов

* * *

Архаический обычай кавказских горцев «побеждать птиц» требует, чтобы люди встречали прилетающих весной птиц с особою, специфическою подготовкою. Это обычай исчезающий и малоизвестный, но он представляет большой научный интерес с разных точек зрения: во-первых, он подтверждает известное мнение, что первобытные люди считали животных и птиц демоническими существами. Горцы Кавказа приписывали прилетающим весной птицам разные болезни людей. Во-вторых, исследование этого обычая проливает свет на историю мировоззрения примитивных людей, выявляет динамику в отношениях примитивных людей к демоническим животным: обычай этот зафиксировал ту стадию развития идеологических воззрений, когда люди боролись с демонами. Самое название данного обычая «побеждать птиц» говорит о состоянии войны – борьбе с демоническими птицами. Между тем более известное науке тотемическое отношение примитивных людей к животным характеризуется совсем не борьбою с ними, а напротив – заключением мирных, дружественных союзов-договоров.

Наконец, самое распространение данного обычая весьма любопытно и поучительно. Больше всего он распространен у горцев Кавказа – у абхазов, хевсуров, сванов, пшавов, гурийцев, мегрелов. В очень близкой форме тот же самый обычай известен эстам, вторые называли его иначе, а именно: «кушать птичий обман». В очень скудных остатках, в окаменевших обломках этот же обычай отмечен у саамов (лопарей) на севере, у ительменов на Камчатке, у сербов Черногории на западе, у калмыков и некоторых других народов. Область распространения данного обычая не оставляет никакого сомнения в том, что здесь мы имеем конвергенцию, т.е. независимое появление одной и той же идеологической надстройки на почве одинаковых

социально-экономических условий. С этой точки зрения данный обычай лишний раз подтверждает факт единой закономерности исторического процесса у самых различных народов.

Последнее по времени описание данного кавказского обычая появилось в 1930 г., в 5-м томе изданного под редакцией А.В. Багрия «Фольклора Азербайджана и прилегающих стран» и принадлежит известному абхазскому ученому Дмитрию Гулия. Описание гласит буквально следующее: «У абхазов существует поверье, что разные птички, а также козленок могут побеждать человека, т.е. оказывать дурное влияние на его жизнь в том году, когда человек после весеннего прилета птиц услышит в первый раз пенье их натошак. Чтобы не дать птицам “победить” себя, человек должен принять особые меры. Первое пенье птиц будет совершенно безвредно для него, если человек услышит это пенье после своей еды. Чтобы избежать опасности услышать пенье и щебетанье птиц натошак, голодному, утром до завтрака, нужно, проснувшись, тотчас же взять на язык немного поваренной соли; и так делать каждый день, пока не услышишь пенье опасной птицы. – Кроме того, можно, будучи побежденным иволгой, исправить беду, если какую-нибудь иволгу застрелить, изжарить и съесть. – Чтобы обеспечить себе победу над ласточкой, необходимо, увидавши ее в первый раз, три раза повернуться на пятке правой ноги на том самом месте, с которого увидал птичку».

Последствия «победы» птиц таковы: 1) «У того, кого победит кукушка, посевы или не всходят, или всходят очень плохо (бывают редкие)». 2) «Кого иволга победит, тот будет целый год болеть». 3) «Побежденный соловьем будет сонлив целый год». 4) «Кого победит ласточка, у того каждый раз будет литься с ложки пища (главным образом кислое молоко) и пачкать его одежду». 5) «Кого победит козленок, тот целый год будет рассеянным и болтливым. Козленка можно победить, посмотрев на него раньше, чем тот заболеет»¹. Н.С. Джанашия в 1915 г. отметил существование у абхазов специального термина для названия рассматриваемого нами обычая: акара².

Для Грузии интересующий нас обычай описан Н. Дубровиным в 1871 г. в следующем виде. Весною, «проснувшись рано утром, грузин торопится прежде всего выпить глоток вина, потому что без этого он, по народному поверью, не может победить ласточки, а не победив ее, будет страдать целый год лихорадкой. Точно так же, если он услышит голос кукушки прежде, чем успеет съесть кусочек хлеба, он уже не может победить ее». «Народное суеверие заставляет грузина побеждать все вновь появляющееся весною: перелетных птиц, которых зимою не бывает, вновь родившихся животных и домашних птиц.

Кто обутый увидит гусенят, тот победил их; увидевший же их босым рискует страдать болезнью ног. Победить утят может только причесанный – это спасение от головной боли. Слышать крик совы надо стоя на ногах и на одном месте, иначе будешь шататься, как сова, с места на место»³.

У грузии-гурийцев в 1895 г. отмечен особый термин «самджобинари», что проф. К.Д. Дондуа переводит: «для преодоления». Так гурийцы называли тот кусочек посоленого хлеба или кусочек одной соли, который нужно было съесть в день Нового года рано утром – до рассвета, чтобы «одолееть» – победить птиц; прием «самджобинари» гурийцы продолжали с Нового года до прилета кукушек и других весенних птиц. Гурийцы говорили также, что человека весною может «одолееть» ружейный выстрел – в случае, если гуриец слышал звук выстрела утром ранее приема самджобинари⁴.

Подготовка к встрече весенних птиц была разнообразною. Например, чтобы «победить» ласточку, нужно было заранее выпить хотя бы глоток вина. Удача надо было видеть в первый раз весною обязательно причесанным: иначе в течение целого года человека будет мучить головная боль. Крик совы надо было слышать непременно стоя – иначе целый год будете сонливым. Сваны верили: если птицу трясогузку увидеть впервые весною неумытым, то у человека будут болеть глаза. Молодых,

вновь вылупившихся гусят надо было увидеть не босиком, а в обуви; то же самое хевсурсы говорили и о новорожденном жеребенке: иначе у человека будут болеть ноги. У мегрел иначе: чтобы победить молодых, новорожденных домашних животных, нужно было сказать им: «Миирди – миирди!», т.е. «Вырастай – вырастай!» Лягушку сваны старались увидеть впервые весной тогда, когда лягушка находится в воде, а не на суше – иначе у человека будут болеть ноги⁵.

У имеретин отмечены обломки того же обычая, уже как чисто детского и, главное, без участия птиц. Соревнование происходит не между птицею и человеком, а между детьми: «побеждает» других тот, кто в Новый год встанет раньше прочих и закусит, для чего имеретинны пекли, между прочим, специальные пирожки – лула. Кто из детей таким образом победил, тот «будет во всем преуспевать в течение целого года»⁶.

Единая закономерность в развитии человеческого общества привела, как известно, к тому, что примитивные идеологические надстройки, фантастически отражающие земную жизнь, отличаются единообразием у самых различных народов земного шара. В данном случае почти то же самое поверье мы находим, например, у саамов (лопарей) далекого Севера, на противоположном конце Европы. Д.Н. Островский в 1889 г. описал некоторые «предания» саамов и, между прочим, следующую примету: «Лопари опасаются некоторых птиц: кукушки, голубя, кулика, бекаса. Они верят, что если крик их услышат натошак, то случится несчастье или смерть»⁷.

Близкое поверье существовало у эстов: кто ранее Юрьева дня или в самый Юрьев день, т.е. 22 апреля, услышит натошак кукушку или другую певчую птицу (а также колокольчик или рожок), про того говорили, что он ilma linno petet, т.е. не получил преимущества перед птицей. Такой человек станет глухим и умрет в том же году. Осенью он не должен кормить скотину: иначе скот его будет скучать у яслей. Если подобным же образом «обманул» человека лесной кулик metskits, то последствия различны, в зависимости от издаваемых данной птицею звуков: земледelec поломает в таком случае много сошников на пашне или же, напротив, будет счастлив. Вообще же «услышавший натошак пение певчей птицы будет несчастлив весь год»⁸.

Сообщение об эстах Ф. Видемана 1876 г. гласит: «Весною нельзя выходить из дому, предварительно не закусив или не испив чего-нибудь, так как натошак вредно слушать звуки, которых не было слышно зимою, в частности голоса птиц; это называется: linno petet soma, т.е. приблизительно: “кушать птичий обман”, “обмануть птицу”, прийти ранее ее; и наоборот: “птица обманула”, если человек услышал ее голос натошак. Равным образом у эстов говорится: “рожок обманул” – если ранее Юрьева дня услышать натошак звук пастушьего рога. Кого таким образом “обманула” птица, тот в течение целого года будет испытывать разные неудачи. В частности, кто “обманут” кукушкой, тот не должен кормить скот и привязывать его осенью к яслям, иначе скот у него не поведется, будет голодать и т.п., или же сам человек заболит и умрет ранее ближайшей весны. – Для защиты от этих дурных последствий эсты в старину обнимали руками дерево или же три раза обходили кругом дерева, всякий раз кусая его кору, либо отгрызая что-либо у дерева зубами: тогда несчастье перейдет на данное дерево, и последнее засохнет. Избегая возможности быть таким образом “обманутым” птицею, многие эсты еще вечером брали с собой в постель кусок хлеба, чтобы закусить утром раньше, чем встанешь с постели. – Птицу “обманывает” подобным же образом солнце: если птица проспит восход солнца, то она не в силах в этот день летать»⁹. – Кого из людей обманул соловей, тот летом часто будет жечь свою одежду. Кого обманула иволга, тот будет иметь разные потери, неудачи в году, в частности при посеве льна. Кто весной услышит натошак болотного кулика сзади себя, тот летом будет терять своих лошадей на пастьбе, если же впереди себя, – будет летом много смеяться. Различное значение имеют при этом разные звуки, издаваемые болотным куликом.

У сербов Черногории сохранилось близкое поверье о кукушке. Черногорец остерегается услышать кукушку первый раз весной натошак, а потому, выходя из дому, всегда нарочно съест хотя бы маленький кусочек хлеба. Без этого условия – «плохо

родится жито; если кто недавно женился, то в том же году не зачнется ребенок; будет целое лето портиться молоко, не будет хорошего сыра»¹⁰.

По прежним белорусским поверьям, кто хотел быть крепким на ноги в течение всего года, тот должен был пробежать в сторону аиста, когда увидит его первый раз весной. Если же кто увидел бы аиста первый раз весной в состоянии покоя, то весь год будет слаб на ноги, т.е. будет легко утомляться от ходьбы¹¹. Очень близким к этому было поверье западных украинцев: когда аисты прилетят первый раз весной в селения и стоят на крышах, то на них не смотрят; иначе, говорили, ноги будут болеть. А когда аисты летают, то и дети бегали и скакали, — чтобы весь год быть веселыми¹². Украинские гуцулы верили прежде, что если при первой встрече весной с жабою сказать о жабе: «скаче», скачет, а не «ходит», то сам сделаешься хромым¹³. Таким образом, опять-таки увиденную первый раз весной жабу человек считал мнимым источником своей возможной болезни, в данном случае болезни ног.

У русских аналогичные поверья о кукушке также существовали, но рано разложились и этнографами зафиксированы лишь в скудных обрывках. Например, в районе Кирсанова «некоторые, желая получить хороший урожай, приходят рано утром в лес и стараются пораньше поесть, пока кукушка еще не кричала: иначе год будет голодный»¹⁴. То же самое отмечено и в Восточной Сибири: услышать весной впервые кукушку голодным — к неурожаю, сытым — к урожаю¹⁵. В других местах у русских это же поверье имело уже более общий характер: «кукушка натошак кукует, не к добру»¹⁶. Особый вариант отмечен на Урале: «если кукушка кукует в затылок — не к добру»¹⁷. В бывшей Ярославской губ. отмечено также поверье, тождественное с эстонским: «как кукушка закукует голодного, осенью не закармливай скотины, всю зиму будет голодная»¹⁸. Нужно думать, что это последнее поверье занесли сюда переселенцы из Эстонии.

У украинцев в подобных поверьях речь идет о деньгах. Если у услышавшего в первый раз весной кукованье зозули (кукушки) будут в кармане деньги, в таком случае деньги не переведутся у него в течение всего года; и некоторые завязывали весной в свою рубашку монету, чтобы быть всегда при деньгах¹⁹.

Удмуртское поверье совпадало с русским, по-видимому, в древнейшей форме: если весной в первый раз услышишь пение кукушки натошак, целый год будешь беден хлебом²⁰.

У финнов-суоми, шведов и датчан поверья близки к саамским. Им в 1929 г. посвятил специальную статью финский этнограф Кустаа Вилькуна²¹. Немецкие поверья ближе к русским и украинским²².

Известен также целый ряд разных обрядов, связанных со скотоводством и земледелием, которые выполнялись украинцами, русскими и другими в момент весеннего прилета журавлей, диких гусей, ласточки, шмелей и т.п. Анализ этих обрядов привел нас к выводу, что магическую обстановку для них создавало присутствие вновь прибывших, после зимнего перерыва, духов — растительности и перелетных птиц²³. Разложение такого же обряда, плохо сохранившегося и перетолкованного по-новому, отмечено в Болгарии и Македонии. Первого марта македонские девицы и парни рано утром выходят во двор, чтобы увидеть какую-либо птичку. Кому это удастся, тот будет «лесен», т.е. энергичен — работающий, бойкий, ловкий и счастливый. Предварительно берут в руки цельный хлеб, серебряные и золотые монеты и, подержав некоторое время все это в руках, выходят во двор с зажмуренными глазами. Хлеб при этом держат в руках, чтобы был урожай, а деньги — чтобы быть богатым и знатным. Опасным считалось увидеть при этом не птичку, а, например, человека, собаку, кошку и т.п.²⁴ Неясные остатки этого обычая сохранялись прежде у болгарских колонистов в России, причем гаданье первого марта связано было с одним только аистом, а не вообще с птицами. Детям первого марта навязывали на руку у кисти красную ниточку: так называемая мартиничка, и дети носили ее до тех пор пока не увидят аиста. Увидев же аиста, дитя клало эту красную ниточку под камень, причем в некоторых местах дитя возможно быстрее бежало от камня прочь — чтобы не быть ленивым в течение

года. Гаданье происходило спустя некоторое время после того: если под камнем оказались муравьи, у гадающего будут хорошие кони; оказались божьи коровки – будут хорошие коровы и лошади; ничего не оказалось – к нищете²⁵.

Из приведенных свидетельств уже достаточно ярко вырисовывается центральное ядро рассматриваемого обычая. Некогда люди боялись внезапной и неожиданной встречи с прилетающими весной птицами и некоторыми другими вновь появляющимися весной животными. Подготовка к такой встрече с птицей состояла чаще всего в том, что человек предварительно съедал комочек соли или какой-либо пищи с солью. Вообще же способ подготовки был разнообразен. Если столкновение с птицей произошло после такой подготовки, то встреча безопасна для людей, ибо в таком случае человек, благодаря своей подготовке, «победил», «одолеет» птицу; напротив, если человек при столкновении с весенней птицей не был соответствующим образом подготовлен, то ему предстояли разные несчастья и неприятности, прежде всего – болезни и смерть. Самое столкновение с птицей понималось большей частью в виде слухового восприятия издаваемых данною птицею звуков.

При анализе описанного кавказского обычая, сохранившегося до нас явно лишь в пережитках и обломках, нам необходимо прежде всего остановиться на двух вопросах: 1) какие бедствия грозят человеку от первой встречи с весенней птицей? и 2) какими способами считалось возможным предупредить эти бедствия? По тому и по другому вопросам мы встречали пестрое разнообразие ответов. Но привлечение сравнительно-этнографического материала дает нам возможность выделить древнейшие варианты. Среди бедствий, которые приписывались весенним птицам, наибольшая древность принадлежит болезням.

У хевсуров на Кавказе было распространено поверье, будто весенние перелетные птицы приносят людям болезни²⁶, и это поверье вполне согласуется с подробностями рассматриваемого нами обычая. Ительмены на Камчатке боялись употреблять в пищу куропаток и не охотились на этих птиц, считая их виновниками слепоты многочисленных местных больных трахомою и другими глазными болезнями²⁷.

Русские поморы на Белом море прежде считали «погаными» первых весенних тюленей и приписывали им «морскую цингу»²⁸. У хакасов-качинцев прежде соблюдался сезонный запрет: от момента вскрытия рек до первого весеннего грома не ели рыбы; последствием нарушения этого запрета считалось заболевание лихорадкой²⁹. Аналогичны запреты у разных народов, между прочим у абхазов, есть весной съедобные травы до первого грома или иного срока³⁰.

Примитивные люди вообще приписывали свои болезни разным животным и птицам, соответственно с чем древнейшим способом лечения болезней служила мнимая передача болезни данному животному – возвращение ее к первоисточнику. Эти представления рассмотрены нами в работе «Культ онгонов»³¹, откуда мы приведем здесь лишь несколько примеров. По воззрениям нивхов (гиляков), жаба, ящерица и другие животные прежде считались источником болезни, причем это были самые настоящие и обыкновенные живые жабы и ящерицы, которые подкрадываются к спящему человеку и, будто бы, заползают ему в рот, а оттуда в грудь и желудок; человек от этого заболевает. Ительмены на Камчатке верили, что особая приморская вошь «через скважины на коже в тело впивается, отчего люди во всю жизнь прежестокую болезнь чувствуют, и другим способом не могут избавиться, как вырезываньем животного». Название многих болезней по именам разных животных надо объяснять тем, что появление этих болезней некогда приписывалось данным животным; таковы, например: рак, жаба, волчанка, свинка, змеевик, песий ячмень и др.; мергелы и гурийцы на Кавказе называли болезнь грудей у родильниц именами: черепаха, ветер черепахи, причем местные поверья связывали эту болезнь с черепахой³². Абхазы прежде верили, что черепаха может посмотреть на зубы человека, и от этого зубы начнут портиться; в связи с этим, проходя мимо пруда или болота летом, они закрывали рот³³. Близкое к этому поверье отмечено у мадьяр³⁴ и у западных украинцев: если смотреть на жабу, то она пересчитает твои зубы и ты скоро умрешь³⁵. Эстонское поверье

гласило: если человек найдет в лесу гнездо с птичьими яйцами или с малыми птенцами и покажет им свои зубы, то этого человека всю жизнь будет мучить зубная боль³⁶.

Что касается оберегов, которые одновременно являются способами подготовки человека к встрече с новыми весенними птицами и животными, то тут мы видим особенно большое разнообразие; еда, между прочим еда соли, питье вина и других напитков, умывание водой, прическа волос, стояние человека на ногах или движение его, иногда навстречу данной птице, или вращение на пятке правой ноги, наличие обуви на ногах, предшествующее слушанию звуков созерцание птицы, нахождение впервые увиденной лягушки в воде, а не на суше, и т.п. Ниже мы еще увидим в аналогичных весенних обрядах произнесение заклинаний и иных формул, кувырканье по земле через голову, прикосновение к камню, стене или иному громоздкому предмету³⁷, завязывание узлов и т.д. Наиболее часто встречающийся оберег – еда ранним утром, и между прочим еда соли. Соль – очень распространенный вообще оберег, и нам известно, что материальной базой для этого оберега послужило первобытное средство самообороны: в глаза наступающему врагу кидали, чтобы на время ослепить его, едкую или хотя бы обыкновенную землю, песок, соль. «Соль тебе в очи!» – эта именно формула сохранялась в белорусских и иных заклинаниях³⁸. Можно даже думать, что момент кидания земли навстречу врагу сохранился в следующем украинском обряде: некогда украинцы, увидев весною первую ласточку, кидали на нее горсть земли, говоря: «На тебе, ластовка, на гнездо!»³⁹. Эсты передавали полученную от кукушки болезнь растущему дереву, для чего обегали вокруг него три раза, каждый раз кусая кору, после чего дерево, будто бы, усыхает.

Но среди различных способов «победить» весенних птиц наиболее древним нужно признать ту еду абхазов, о которой говорит Гулия: «побежденный» иволгою абхаз мог легко поправить эту свою беду, если он какую-нибудь иволгу застрелит, изжарит и съест. Это была действительная, реальная «победа» человека над птицей. Согласно с этим, и во всем рассматриваемом обычае мы видим идеологическое преломление реального факта – массового истребления людьми прилетающих весною птиц. Удачная охота на весенних птиц спасала первобытных людей от зимнего голода и от обычных весною болезней. Чтобы охота на мелких птиц была удачной, для этого необходима была особенная настороженность и зоркость охотников, что и отражено в данном обычае.

В пользу такого именно истолкования рассматриваемого обычая говорит также и другой обычай тех же грузин и абхазов на Кавказе. По сообщению Н. Миндели 1894 г., грузины в с. Сори (в Раче) прежде в первый день Пасхи «разговлялись» именно пернатою дичью: для этого дети заблаговременно ловили силками мелких птичек – воробьев (минора), скворцов, серых дроздов, куликов, перепелов и др. Наловив несколько десятков, птичек коптили; в Пасху их освящали в церкви, где священник раздавал народу по крошечному кусочку этой своеобразной святыни⁴⁰. У абхазов подобное же обрядовое вкушение птиц происходило в ночь на Рождество 25 декабря, что абхазы называли жертвою «тхотхануа» (Н.С. Джанашия, 1915): абхазы резали столько дроздов и цыплят, сколько человек в данной семье, иногда заменяя это одним козленком. Все нужно было съесть в тот же день, а остатки – сжечь: «оставлять их нельзя».

Вполне аналогичные обряды отмечены у калмыков, ительменов на Камчатке, у русских и у белорусов. Калмыки считали «вестником весны» суслика и в первый весенний праздник кушали его. Небольсин в 1850-х годах сообщает: «Непременно в каждой кибитке жарят суслика, и всякий член семьи съедает по кусочку»⁴¹. Русские в районе г. Лебедяни Рязанской обл. в Рождество 25 декабря «разговлялись воробьями»⁴². Белорусы близ г. Бреста накануне Нового года ловили возможно больше воробьев, приготавливали из них жаркое и кушали⁴³. Ительмены на Камчатке в XVIII в., по описанию Ст. Крашенинникова, заканчивали свой годовой праздник «отпущения грехов» таким образом: ходили в лес, ловили там «маленькую птицу, которая варится и делится по куску всем камчадалам, и которую каждый надкушав в огонь бросает»⁴⁴.

Правда, этот камчадалский праздник не весенний, но у ительменов отмечен также и весенний, аналогичный кавказскому, обычай «побеждать» птиц: вестницей весны камчадалы считали тогда птичку трясогузку; поверье гласило: кто весною увидит первую трясогузку в то время, когда она кричит, у того появятся коросты на задней части тела⁴⁵.

Вторая, тотемическая, стадия в развитии отношений примитивных людей к демоническим животным и птицам характеризуется не борьбой, а дружественным союзом. Она отмечена у тех же самых народов Кавказа. Например, у грузин-гурийцев описано своеобразное обрядовое кормление диких птиц в целях предохранить свои посевы от вреда с их стороны. Прежде в горных местностях Гурии в первый понедельник месяца мая каждая семья приготавлила так называемую «птичью порцию» – небольшой пирог из кукурузного теста. Один из членов семьи, на пути куда-либо, прятал этот пирог на чужом поле, вблизи дороги, а на обратном пути съедал его. Этим поеданием выражалось желание, чтобы птицы в данном году не трогали посевов, а питались бы в чужих полях. «Изготовлением "птичьей порции", – заключает свое сообщение Т. Мамаладзе, – народ хочет угодить своему врагу, с которым всякая борьба бессильна»⁴⁶. По сообщению А.А. Хаханова, «для обращения птиц из врагов в своих друзей» грузины и пшавы «в понедельник на маслянице приготавливают кашницу и выставляют на крышу на дощечке для съедения птицам. День этот носит даже особое название: читис-п'-ап'оба, т.е. день птичьей кашницы»⁴⁷. У имеретин «птичий пирог», чити-квера, пекли в субботу на первой неделе великого поста; один из членов семьи прятал его где-нибудь в укромном месте двора; на другой день этот спрятанный пирог усиленно искали всей семьей с участием соседей; находили только к вечеру и с веселым распределением его между участниками поисков⁴⁸. Здесь, таким образом, первоначальная функция обряда уже совсем забылась.

Засеяв зерно, грузинский земледелец некогда говорил: «Это червям, это крысам, это птицам!». «Совершая этот обряд, пахарь принесением этим полевым врагам добровольной жертвы желает спасти ниву от порчи и истребления, которым подвергается крестьянское добро»⁴⁹. Армяне в районе Шуши во время посева также прежде бросали в землю несколько лишних зерен «для птиц»⁵⁰.

О древности данного земледельческого обычая может говорить и широкое распространение пережитков его у народов Европы. Например, французы «старались жить в дружбе с сорокою»; чтобы задобрить ее, они после жатвы ставили на дерево сноп хлеба в пользу сороки, которая в благодарность за это поможет охранить посевы от воров и лисиц. Когда пекут блины в воскресенье на маслянице, то один блин отдавали сороке, чтобы она своим криком предостерегала от волка. Немцы говорят: «Кто черным дроздам (Amseln) зимою сыплет корм, тот будет счастлив и избежит лихорадки». Русские, собирая рябину, оставляли часть ягод на деревьях – для корма дроздам позднюю осенью и зимой⁵¹. Эстонский сеятель конопли, чтобы посев не повредили животные, первые три горсти семян бросал в сторону, говоря при этом: «Доля кошек, кур, мышей»⁵².

Это обычай чисто земледельческие, но отношение людей к птицам в этих обычаях может быть и древнее земледелия. Оно чисто тотемическое: птиц тут кормят, чтобы они не вредили. Вред соседним родовым обществам не считается одиозным, что нормально для родовой эпохи, когда вражда между отдельными родами бесспорна. До земледелия вред от диких птиц мыслился, очевидно, в каких-то иных формах, которые частью и сохранились в рассмотренном нами выше кавказском обычае.

Рядом сохранились весенние же обряды земледельцев, где имелся в виду не самый урожай, а сбор его, жатва. При длительной жатве серпом у жнецов болела спина, и эту свою будущую болезнь люди предусмотрительно и заблаговременно передавали весенним птицам. «Тебе, жаворонок, петь, а моей спине не болеть!» – так приговаривали некогда русские крестьяне в районе Рыбинска (теперь г. Щербаков) на Волге, заслышав первую весеннюю песнь жаворонка; при этом они кувыркались три раза по земле. Таким же образом местные крестьянские женщины кувыркались – для

того, чтобы у них в житво не болела спина⁵³. С тою же самою целью, чтобы не болела спина при уборке ржи, некогда русские крестьяне в районе Пошехонья, при первом крике журавлей весной, катались по земле, приговаривая: «Журавль, журавль, у тебя шея колом, а у меня спина колесом»⁵⁴; тут явно передавалось болезненное онемение переутомленной спины жнеца-земледельца длинной журавлиной шее, а гибкость этой последней магически сообщалась спине того же жнеца. Близкий обычай отмечен у русских в районе Юрьевца на Волге при первой встрече с весеннюю перелетною птицею – журавлями, скворцами и т.п.⁵⁵. Украинки передавали первой весенней ласточке свои веснушки, говоря: «Ластівко, ластівко! на тобі веснянки, дай мыні білянки». Они при этом обмывали себе лицо водою – для того, чтобы не иметь веснушек на лице⁵⁶. И у белорусов некогда существовало поверье: «Кто, увидя первый раз в году ласточку, умоется молоком, тот будет бел»⁵⁷. Сравнить данное поверье в записи более позднего этнографа, 1880 г.: «Касатка, касатка! Возьми мою рябину, подай мне билину», – так говорили витебские белорусы, увидя первую ласточку весной. При этом иные умывались песком или землею из-под своих ног, а потом горсть земли перебрасывали через свою голову назад: на лице не будет веснушек, и загар не пристанет⁵⁸. Сравним еще старый украинский обычай: при первом громе украинские девушки некогда спешили к реке, где умывались и утирались чем-нибудь красным – «чтоб не терять красоты и быть богатыми». Тут же они ловили первого встречного гусенка и терли им свое лицо: будто бы «это уничтожает веснушки»⁵⁹.

Вилейские белорусы, увидев в первый раз весной аиста или дикого гуся, проносили формулу: «На тихое лето, на буйное жито, а нам на доброе здоровье!» – и завязывали в этот момент узел на своем поясе. Такой пояс с узлом служил после этого противолихорадочным средством в случае заболевания лихорадкой, человеку достаточно было, будто бы, развязать этот пояс, чтобы избавиться от своей болезни⁶⁰. У армян на Кавказе вполне аналогичный этому обычай практиковался некогда при первом весеннем кваканье лягушек: «Кто хочет окончательно избавить больного от лихорадки, тот, услышавши первое кваканье лягушки, делает на нитке узел, который должен развязать больной»⁶¹.

Передача животным детских болезней не была связана с весной; выпавший зуб дитя отдавало большею частью мыши, реже собаке – с просьбою дать в обмен более прочный зуб. Если ребенок ушибется, обожжется и т.п., то мать его дула ртом на больное место и говорила:

У сороки боlí,
У вороны боlí,
У галки боlí,
У воробушка боlí,
а у (имя ребенка) заживи!⁶²

Имеются также поверья, в которых не трудно рассмотреть переходную ступень от древнейшего обычая «побеждать птиц» – к более новому обычаю входить с птицами и другими животными в дружественные соглашения. В этих переходных поверьях сохраняется соперничество между людьми и животными, но вражды и войны уже нет. Прежнее мегрельское поверье гласило, будто волчица в четверг перед Пасхою выводит из логова своих детенышей и с зарею идет к реке купаться. Кому из людей удастся выкупаться в эту ночь раньше волчицы, тот на целый год застрахован от всяких болезней. И все мегрелы некогда в эту ночь купались.

У русских, украинцев и белорусов некогда был обычай ранней весной, в четверг перед Пасхою, «купаться раньше ворона». На этот четверг падали многие новогодние обряды, так как год в древности начинали именно с весеннего марта. Было поверье, что ворон в этот день рано утром купает в реке своих птенцов. Люди должны были предупредить в данном отношении ворона. Один украинский этнограф так описал в 1907 г. данный обычай: «В чистый четверг до восхода солнца ворон купает в реке своих детей, человеку, желающему освободиться от язв или сыпи на теле, нужно

искупаться в реке раньше, чем ворон успеет выкупать своих детей; иначе, опоздав, не получишь исцеления»⁶³.

Тот же момент соревнования в сроке ярко выражен в известном поверье о змее: укусившая человека змея, будто бы, спешит скорее к речке, чтобы напиться воды или выкупаться. Если же укушенный змеею человек предупредил ее, раньше змеи придет к реке и напьется или выкупается, хотя бы опустит в воду укушенное место, то сила укуса исчезает и даже укусившая змея околевает. Это поверье было известно у армян на Кавказе, оно очень широко было распространено у русских, украинцев и белорусов⁶⁴. Белорусский этнограф П.П. Демидович в 1895 г. писал об этом так: «Белорус убежден, что змея, ужалив человека, тотчас спешит напиться воды. Если при этом ужаленный человек скорее, чем змея, добежит до воды и обмоет рану, а также напьется, то не только укушение пройдет бесследно, но и ужалившая змея должна непременно издохнуть»⁶⁵.

Особого упоминания заслуживает своеобразное соперничество между человеком и животным в связи с тем, кто кого раньше увидит. Эсты верили, что если волк увидит пастуха раньше, чем пастух волка, то зверь отнимет у человека голос, и пастух не в силах будет звать на помощь⁶⁶. Подобное поверье известно было также и древним римлянам, о чем писал в свое время Плиний⁶⁷, полякам, украинцам Галиции, в Норвегии, Сицилии⁶⁸. Луораветланы (чукчи), будто бы, считали волка шаманом, наводящим на пастуха сон с помощью заклинаний⁶⁹. Подобным же соперничеством между человеком и весенними птицами характеризовался и рассмотренный нами выше кавказский обычай «побеждать птиц».

Возвращаясь к деталям этого последнего, рассмотренного выше кавказского обычая, надо еще отметить, что в ней немало магических представлений: кукушка бездомна, без гнезда, и «побежденный» кукушкой человек оказывается без хозяйства; ореховка очень мала, и у «побежденного» ею результаты трудов будут столь же ничтожны, сколь ничтожна величина этой птички. Но одна магия, конечно, не может объяснить нам всего обычая; возникновение его тесно связано с анимизмом, с представлениями о демонизме весенних птиц. Отдельные магические представления проникли позднее – в процессе развития обычая, который потом перешел в свою противоположность: сначала весенних птиц «побеждали», т.е. боролись с ними, а впоследствии стали ухаживать за теми же самыми птицами – кормили их и т.п. Момент предохранения от болезней, передача человеческих болезней весенним птицам – объединяет два этих разновременных этапа в истории идеологических надстроек.

Примечания

¹ Фольклор Азербайджана и прилегающих стран / Под ред. А.В. Багрия. Т. 3. Баку, 1930. С. 217. № 1–5.

² Джанашия Н.С. Религиозные верования абхазов // Христианский восток. Год 4-й. 1915. Т. 4. Вып. 1. Пг., 1916. С. 87.

³ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 2. СПб., 1871. С. 170–171.

⁴ Мамаладзе Т. Народные обычаи и поверья гурийцев // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 17. Отд. 2. Тифлис, 1893. С. 25–26.

⁵ Нижерадзе И. Сванетские тексты // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 31. Отд. 4. Сванетские поверья. № 12. Тифлис, 1902. С. 57 [упоминание о суевериях, связанных с кукушкой]; Эристов Р.Д. Заметки о Сванетии // Зап. Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества. Кн. 19. Прил. II. Разд. XI. Обычаи, суеверия и предрассудки. Тифлис, 1897. С. 95 (отдельная пагинация) [упоминание о суевериях, связанных с кукушкой]; *его же*. О Тушино-Пшаво-Хевсурском Округе // Там же. Кн. 3. Тифлис, 1855. С. 128 [упоминание о суевериях, связанных с удодом, кукушкой, ласточкой, гусьями, совой]; Кобилия И.Т. Из мифической Колхиды // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 32. Отд. 3. С. 114–115. Тифлис, 1903 [упоминание о суевериях мингрельцев, связанных с новорожденными животными].

⁶ Ломинадзе В. Встреча Нового года у имеретин // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 13. Отд. 2. Тифлис, 1842. С. 6.

⁷ *Островский Д.Н.* Лопари и их предания // Изв. Императорского Русского Географического общества. Т. 25. СПб., 1889. С. 329–330.

⁸ *Boecler J.W.* Der Ehsten Abergläubische Gebräuche, Weisen und Wohnheiten. St.-Petersburg, 1854. S. 140–141; *Zelenin D.K.* Der alte estnische Brauch «den Vogelbetrug essen» (linnupetet sööma) // *Literarum Societas Esthonica*. 1838–1938. Liber Saecularis. Tartu, 1938. S. 865–879.

⁹ *Wiedemann F.J.* Aus dem Inneren und Ausseren Leben der Ehsten. St.-Petersburg, 1876. S. 451–452.

¹⁰ *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. География. История. Этнография. Археология. Современное положение. Т. 2. Ч. 2. СПб., 1901. С. 484.

¹¹ *Никифоровский Н.Я.* Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах собрал в Витебской Белоруссии Н.Я. Никифоровский. Витебск, 1897. С. 190. № 1453–1454.

¹² *Пастернак Я.* Звичай та вірування в с. Зіболках Жовківського повіту // Матеріали до етнології і антропології: Видає Етнографічна Комісія Наукового т-ва ім. Шевченка у Львові. Т. 21/22. Ч. 1. Львів, 1929. С. 346.

¹³ *Зеленин Д.К.* Табу слов у народів Восточної Європи і Северної Азії. Ч. II. Запрети в домашній житті // Сб. Музея антропології і етнографії. Т. 9. Л., 1930. С. 24.

¹⁴ *Бондаренко В.* Поверья крестьян Тамбовской губернии // *Живая старина*. Вып. 1. СПб., 1890. С. 119.

¹⁵ *Арефьев В.С.* Материалы по этнографии Енисейского уезда Енисейской губернии // Изв. Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Т. 32. № 1/2. Иркутск, 1901. С. 121.

¹⁶ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. СПб., М., 1905. Стбц. 550, под словом «кукушка, кукушка».

¹⁷ *Ермолов А.* Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Т. 3. Животный мир в воззрениях народа. СПб., 1905. С. 333.

¹⁸ *Даль В.И.* Указ. раб. Стбц. 550. Цитата приведена неточно: «Кого кукушка закукует голодного (натошак), тот осенью не закармливают скотины, иначе она всю зиму будет голодна», яросл. (Там же).

¹⁹ Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским Русским географическим обществом. Юго-Западный отдел. Материалы и исследования, собранные П.П. Чубинским. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1872. С. 61.

²⁰ *Ермолова А.* Указ. раб. С. 335. На этой странице речь идет о приписывании кукушке свойства кокованием предсказывать человеку годы его жизни. Особенно следовало обращаться к кукушке за таким предсказанием натошак. На с. 334 приведено предназначение из Смоленской губ.: «Когда кукушка после Петрова дня продолжает коковать, плохой год будет, сам закукуешь, как кукушка».

²¹ *Vilkuna K.* Käen um, muuttolintujen pilauksesta // *Kalevalaseuran vuosikirja*. Т. 9. Porvoo, 1929. S. 110–117.

²² В записи Д.К. Зеленина эта сноска выглядит так: *A. Wuttke-Meyer.* Der deutsche Volksaberglaube. Изд. 4-е. Лейпциг, 1925. Стр. 204, 398, 408, §§ 280, 612 и 632. К сожалению, в Российской национальной библиотеке 4-е издание книги Адольфа Вуттке отсутствует. Сверка проведена по 3-му изданию: *Wuttke A.* Der deutsche Volksaberglaube der Gegenwart. Dritte Bearbeitung von E. Meyer. Berlin, 1900. S. 205 (§ 280), S. 398 (§ 612), S. 408 (§ 632).

²³ *Зеленин Д.К.* Указ. раб. Ч. II. С. 32.

²⁴ Памятники народного быта болгар, издаваемые Любеном Каравеловым. Кн. 1. М., 1861. С. 188.

²⁵ *Державин Н.С.* Болгарские колонии в России (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии). Материалы по славянской этнографии // Сб. за народни умотворения и народописъ. Издава Българската Академия на науките. Кн. 29. София, 1914. С. 161; *Арnaudов М.* Фольклор от Еленско // Там же. Кн. 27. София, 1913. С. 347 (отдельная пагинация).

²⁶ *Радде Г.* Хевсурия и хевсуры (Опыт монографии). Описание путешествия, совершенного летом 1876 года // Зап. Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества. Кн. 11. Вып. 2. Тифлис, 1881 (на обложке и титуле статьи), 1880 (на титульном листе «Записок») С. 102–103; Ср.: *Эристов Р.Д.* О Тушино-Пшаво-Хевсурском Округе // Там же. Кн. 3. С. 128.

²⁷ *Орлова Е.* Ительмены (Остатки древних обитателей Камчатки) // Статистический бюллетень. Дальневосточное краевое статистическое управление. № 8–9 (№ 35–36). Хабаровск; Благовещенск, 1927. С. 72.

²⁸ *Максимов С.В.* Год на Севере. Изд. 4-е, дополн. М., 1890. С. 19.

²⁹ *Попов Н.* Поверья и некоторые обычаи качинских татар // *Каратанов И., Попов Н., Потанин Г.* Качинские татары Минусинского округа // Изв. Императорского Русского географического общества. Т. 20. Вып. 6. СПб., 1884. С. 650.

³⁰ *Зеленин Д.К.* Указ. раб. Ч. I. Запреты на охоте и иных промыслах // Сб. МАЭ. 1929. Т. 8. С. 139.

³¹ *Зеленин Д.К.* Культ онгонов в Сибири: пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов // Тр. Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР. Т. 14. Этнографическая серия. Вып. 3. М.; Л., 1936. С. 66 и след., ср. С. 48 и след.

- ³² Зеленин Д.К. Табу слов у народов... Ч. II. С. 53.
- ³³ Фольклор Азербайджана... Т. 3. С. 211. № 2.
- ³⁴ Wislocki H. Volksglauben und religiöser Brauch der Maguaren // Darstellungen aus dem Gebiete der Nichtchristlichen Religious – Geschichte. Bd. 3. № 2. Münster, 1893. S. 78.
- ³⁵ Пастернак Я. Указ. раб. С. 346.
- ³⁶ Boecler J.W. Op. cit. S. 141.
- ³⁷ Зеленин Д.К. Східно-слов'янські хліборобські обряди качання і перекидання по землі // Етнографічні вісник. Кн. 5. У Києві, 1927. С. 1–10. Сравнить прежний хевсурский весенний же обычай: кто хотел «избавиться от боли в пояснице, тот должен был во время первого весеннего грома ударить себя несколько раз камнем по спине, приговаривая: "крепись, крепись, спина!» // Радде Г. Указ. раб. С. 103. Обряды при первом весеннем громе вообще аналогичны обрядам во время появления первых весенних птиц.
- ³⁸ Зеленин Д.К. Магическая функция примитивных орудий // Изв. АН СССР. Сер. 7. Отделение общественных наук. 1931. № 6. С. 738.
- ³⁹ Максимович М.А. Дни и месяцы украинского селянина // Максимович М.А. Собр. соч. Т. 2. Киев, 1877. С. 464.
- ⁴⁰ Миндели Н. Селение Сори (Рачинского уезда Кутаисской губернии) // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Т. 19. Тифлис, 1894. С. 96. У Н. Миндели говорится, что «в день Пасхи копченую дичь несут в церковь и подносят священнику для освящения, а потом раздают народу по крошечному кусочку (в золотник)».
- ⁴¹ Зеленин Д.К. Обзор рукописных материалов Ученого архива Всесоюзного географического общества о народах СССР // Советская этнография. Сб. статей. Т. 4. М.; Л., 1940. С. 197 [Ссылка на рукопись Ш. Саджирхаева и Э. Джабдыхова «Песни калмыков». № 21].
- ⁴² Архив Русского географического общества. А-209. № 20.
- ⁴³ Крачковский Ю.Ф. Быт западно-русского селянина. Издание Императорского общества истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1874. С. 172–173. У Д.К. Зеленина ошибочно назван район: у Ю.В. Крачковского речь идет о местечке Мир Новогрудского у. Минской губ. (в тексте опечатка: Новогор. уезда).
- ⁴⁴ Крашенинников С. Описание земли Камчатки. Т. 2. Ч. 3. СПб., 1755. С. 107.
- ⁴⁵ Крашенинников С. Указ. раб. Т. 1. Ч. 2. СПб., 1755. С. 344. У С.П. Крашенинникова о связи крика трясогузки с появлением коросты на теле человека никаких сведений не приводится. О трясогузках в тексте сказано следующее: «...трясогузки белые, которых камчадалы ожидают весною с великою жадностью, и начинают от времени их прибытия новый год вешней». С. 344.
- ⁴⁶ Мамаладзе Т. Народные обычаи и поверья гурийцев // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 17. Отд. 2. Тифлис, 1892. С. 59.
- ⁴⁷ Хаханов А. Земледельческие обычаи крестьян в Кахетии // Этнограф. обозрение. 1894. № 3. С. 142; Ковалевский М.М. Пшавы: Этнографический очерк // Юридический вестник. Т. 27. Кн. 2. М., 1888. С. 208.
- ⁴⁸ Сагарадзе М. Обычаи и верования в Имеретии // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 26. Отд. 1. Тифлис, 1899. С. 23–24 (отдельная пагинация).
- ⁴⁹ Хаханов А. Земледельческие обычаи крестьян в Кахетии. С. 142.
- ⁵⁰ Осипов Г. Селение Даш-Алты Шушинского уезда Елисаветпольской губернии // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 25. Отд. 2. Тифлис, 1898. С. 133.
- ⁵¹ Ермолов А. Указ. раб. С. 323, 353.
- ⁵² Wiedemann F.J. Op. cit. S. 483.
- ⁵³ Костолевский И. Народные поверья жителей Ярославского края // Живая старина. 1916. № 2/3. Прил. 5. С. 41.
- ⁵⁴ Балов А.В. Очерки Пошехонья. Верования // Этнограф. обозрение. 1901. № 4. 1901 (на обложке); 1902 (на титуле). С. 120.
- ⁵⁵ Груздев В.Ф. Из народной медицины русских // Изв. Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. 32. Вып. 1. Казань, 1922. С. 91.
- ⁵⁶ Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край... С. 59.
- ⁵⁷ Народные славянские рассказы, изданные И. Боричевским. № 82. СПб., 1844. С. 150. Материалы для белорусских поверий и предания сообщены любителем и знатоком белорусской народности Михаилом Максимовичем Загоровским.
- ⁵⁸ Никифоровский Н.Л. Указ. раб. С. 195, № 1502–1503.
- ⁵⁹ Маркевич Н. Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян. Извлечено из нынешнего народного быта и составлено Н. Маркевичем. Киев, 1860. С. 7.
- ⁶⁰ Крачковский Ю.Ф. Указ. раб. С. 93.
- ⁶¹ Гризоров Н. Село Татев Загезурского уезда Елисаветпольской губернии // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 13. Отд. 1. Тифлис, 1892. С. 113–114; Фольклор Азербайджана... Т. 3. С. 150. № 226.

⁶² Ср.: Крейнович Е.А. Собаководство гиляков и его отражение в религиозной идеологии // Этнография. 1930. № 4. С. 50; Можаровский А.Ф. Очерки жизни крестьянских детей Казанской губернии в их потехах, острогах, стихах и песнях // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Т. 28. М., 1877. Тр. Этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Кн. 4. С. 105, 113. Приговор «У сороки болит» приведен в работе А.Ф. Можаровского. С. 105; Трейланд Ф.Я. Материалы по этнографии латышского племени // Известия Императорского общества любителей естествознания... Т. 40. М., 1881. Тр. Этнографического отдела... Кн. 6. С. 196; Андреев М.С. Вещие сны, несколько примет и детская игра «Сорока-Ворона» среди некоторых народов, главным образом Средней Азии // Изв. Главного среднеазиатского музея. Вып. 2. Материалы по этнографии. Ташкент, 1923. С. 27.

⁶³ Иванов П.В. Жизнь и поверья крестьян Купянского уезда Харьковской губернии // Сб. Харьковского историко-филологического общества. Т. 17. Харьков, 1907. С. 89; Zelenin D.K. Russische (Ostslavische) Volkskunde. Berlin; Leipzig, 1927. S. 365. См. русское издание: Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 391–392.

⁶⁴ Фольклор Азербайджана... Т. 3. С. 145. № 199; Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край... С. 65; Межов В.И. Библиографический указатель этнографических сочинений и статей, изданных на русском языке в России // Этнографический сборник. Вып. 5. СПб., 1862. С. 8 (отдельная пагинация). В библиографии В.И. Межова дана подробная аннотация статьи: «Краткое описание занятий, некоторых обычаев, образа жизни, одежды, поговорок и пословиц села Тушны Симбирского уезда. Извлечено из материалов для статистического описания Симбирской губернии // Симбирские губернские ведомости. 1860. 12 ноября. № 46. Часть неофициальная. С. 162–164; Там же. 19 ноября, № 47. С. 165–167.

⁶⁵ Демидович П.П. Из области верований и сказаний белорусов // Этнограф. обозрение. 1896. № 2–3. С. 129.

⁶⁶ Eisen M. Karjane // Eesti Rahva muuseumi Aastaraamat. T. I. Tartu, 1925. S. 33.

⁶⁷ Plinius Caius Secundus Major. Naturalis historia. T. 2. Libri 7. Lipsae, 1875. P. 80.

⁶⁸ Зеленин Д.К. Табу слов у народов... Ч. II. С. 33–34.

⁶⁹ Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе В.Г. Богоразом. Ч. I. СПб., 1900. С. 26. Ср. С. 18. У В.Г. Богоразы говорится: «Даже некоторые животные тоже обладают заговорами. Так, например, волк, прежде чем напасть на олене стадо, наводит на пастуха сон при помощи заклинаний» (с. 26. Прим. 3).

D.K. Z e l e n i n. The Survivals of Ancient Views on Demonic Birds among the Caucasus' Peoples

This manuscript has been recently found in the archive of the Museum of Anthropology and Ethnology by Peter the Great (Cabinet of Curiosities) of Russian Academy of Sciences. The author of the article is an eminent ethnographer, folklorist, dialectologist, bibliographer, the specialist in museum management D.K. Zelenin (1878–1954). He completed this article not long before the Great Patriotic War (1941–1945) and intended to publish it in collected articles «Soviet Ethnography». But he wasn't able to realise this project. This publication is timed to D.K. Zelenin 120-year and prepared by the A.M. Reshetov. He also wrote the preface to this publication.